

Шакар убрал палаш в ножны и повернулся к Хаджару и островитянину. В глазах караванщика не было особой радости. Несмотря на то, что в этот раз ему удалось заполучить в охрану двух весьма крепких ребят, он все же ощущал, как подвел племянника. На Шакха в этот момент было страшно смотреть.

Казалось у мальчишки вся жизнь рухнула в одночасье. Да и Ильмена выглядела не лучше. Видимо, если что и объединяло этих двух, так это желание сбежать из родного города и отправиться в опасное путешествие.

- Завтра на рассвете я буду ждать вас у южных городских ворот, - сухо произнес Шакар. - не опаздывайте.

Подняв с песка кафтан и повязал на волосы тюрбан, адепт забрал с собой племянника и те удалились в сторону ближайшего кабака. Вернее того, что в Лидусе являлось бы кабаком, а здесь называлось так заумно, что у Хаджара язык не поворачивался произнести.

Следом ушла Ильмена, напоследок бросив в сторону Хаджара полу-печальный, полу-заинтересованный взгляд. Хаджар же, вздохнув, почесал дрыхнущую Азрею за ухом, оделся и отправился в противоположную от Шакха и Шакара сторону. Не то чтобы он их избегал, но считал, что достаточно потрепал нервы мальчишке.

Причем, как оказалось - зря. Понять суть техники он так и не смог, так что понапрасну испортил отношения с караванщиком (тот явно дорожит племянником) и впустую проливал свою кровь.

- Проклятье, - вздохнул Хаджар.

Зрители тоже постепенно расходились. Некоторые, кто по целее, помогали охранником нести тело к отчему дому. Делалось это буднично и практически безэмоционально. Все же, менталитет здесь сильно отличался. Но Хаджар уже почти привык. Можно было даже сказать, что здесь ему было проще, чем на родине.

Ну или просто чувство вины не могло догнать Хаджара, заплутав где-то среди скал и песчаников.

На город уже опускались сумерки. Хаджар слегка поежился под холодным северном ветром. Такая вот особенность пустыни - днем можно умереть от жары, а как спрячется солнце - от холода. Ну или от когтей мириада тварей, обитавших на бескрайних просторах Моря Песка.

Что удивительно, именно с приходом мороза оживлялись улицы приграничного города. Зажигались огни, на базаре начиналась торговля, слышались отголоски чьих-то гулянок в чайных и кабаках. Играли музыканты, кружились в танце бронзовокожие красавицы и сверкали на их лодыжках тяжелые, золотое браслеты. Их звон весьма мелодично вливался в общую симфонию.

Подойдя к двери кабака (плотной циновке, повешенной на уже давно проржавевшие гвозди) Хаджар резко обернулся. Кроме пробегающих рядом детей со сверкающими огоньками и томно улыбающихся девушек, никого больше не было. Но развитое за годы службы чутье подсказывало бывшему генералу - в кабак он пришел не один.

Внутри было не так уж много народа. Это заведение стояло на отшибе, пользовалось дурной славой. У местных было не принято привечать иностранцев. Мол - пришел белокожий, ну и пусть идет себе дальше - ищет смерть среди песчаных волн. Если кто задерживался дольше, чем на день - сразу косо смотрели. А в кабаке "Песчаный Прибой" почти только иностранцы и сидели.

Да и убранство здесь было более... родным. Северным, что ли. Обычные стулья, нормальные столы. Не дубовые, конечно, но тоже крепкие. Вместо чая и различных вин, крепленая брага и медовуха. Откуда они её брали - не знал, наверное, даже сам бог пьянств и праздников.

Усевшись за столик в отдалении и кивнув нескольким наемникам (от них Хаджар и узнал про караван), заказал порцию жаренной рыбы и две пинты браги. На большее у Хаджара просто не было денег. Благо, что на его уровне практикующего еда требовалась не так уж часто.

Заказ принесла девушка из тех, которым среди местных приходилось тяжелее всего. Смесок. Отец её заправлял заведением, а вот мать была из Балиумовских бродячих артистов. Рыжий цвет волос, синие глаза и бронзовая кожа - взрывное сочетание.

- Твой заказ. Поставить сюда. Приятный аппетит, - щебетала девушка на ломанном Балиумовском.

Хаджар улыбался ей и кивал, делая вид, что речь у официантки чистая и правильная. Ужин вскоре уже стоял перед Хаджаром. Он аккуратно спустил Азре. На стол. Стоило только котенку учуять запах еды, как она тут же очнулась и накинулась на пищу.

Хаджар кое-как, под недовольное шипение, успел схватить половину рыбы и пинту браги. Вторую Азрею уже почти вылакала под ноль. Второй любимый напиток тигренка после молока - все, что горит. Она бы и сорокаградусную медовуху залпом осушила, будь у неё к этому физиологическая возможность.

- Никогда не видел таких тигрят, - прозвучал легкий, свистящий голос.

Хаджар не удивился тому, что напротив него сидел лысый островитянин, спокойно грызущий точно такую же рыбу. Его больше удивило осознание того, что сидел там островитянин как минимум последние минут пять. А его не заметил не только сам Хаджар, но и Азрея. А чутье тигренка, порой, превосходило аналитические способности нейросети.

Тигренок, словно в подтверждение мыслей Хаджара, резко повернулся к гостю. Встопорщилась шерсть, выстрелили когти и Азрея весьма угрожающе зашипела.

- Мне кажется, было бы неплохо представиться, - на языке островов произнес Хаджар, попутно поглаживая и успокаивая свою пушистую спутницу.

Островитянин склонил голову на бок. Сложно было понять, куда он смотрит, потому как из-за узкого разреза глаз казалось, что и вовсе - никуда. Что глаза попросту закрыты.

- Обычно у жителей материка акцент центральных островов. Почти никогда - южных. У тебя, Хаджар Травес, акцент южных островов.

- Ты знаешь мое имя, я твое - нет, - парировал Хаджар, всем своим видом демонстрируя, что разговор продолжать не собирается.

Какое-то время они сидели в тишине. На улице веселились граждане. Они старались не

замечать назойливого пятна в виде кабака, где сидели одни лишь иноземцы. В основном - наемники. Из них, по сути, и состояла большая часть охраны каравана. Все же не каждый пустынный согласится рискнуть жизнью и отправится в путешествие, сроком шесть лет.

Три-то года это только в одну сторону, а потом еще и возвращаться придется.

- Меня зовут Эйнен, - представился островитянин.

У их народа не было фамилий, а представляться по принципу "такой-то, сын такого-то" у них считалось унижением. Очень свободолюбивый и индивидуалистичный народ. Семья у них воспринималась исключительно с точки зрения практичности и никак иначе.

Ну, когда твоя страна это тысяча островов разделенных огромными водными массивами, такой принцип кажется весьма рациональным.

- Что ты здесь делаешь, Эйнен?

Островитянин отпил немного браги.

- Пью, говорю с Северянином. Хочу узнать, откуда у него акцент южных островов.

Хаджар улыбнулся.

- Ты ведь понял, что я имел ввиду совсем другое?

Островитянин кивнул и продолжил спокойно пить. Хаджар никогда не был силен в подобных "молчанках". Общение с людьми, спасибо десяти годам жизни в теле беспомощного уродца, в принципе давалось ему с трудом. Так что неудивительно, что вскоре он сдался.

- Некоторое время назад я знал твою землячку. Ведьму с южных островов. Её звали Нээн.

Впервые Хаджар смог распознать цвет глаз островитянина. Наверное, лучше было бы, если бы он этого не сделал. Очень необычно было видеть почти фиолетовую радужку. Впрочем, Эйнен быстро взял себя в руки и действительно - прикрыл веки.

- Это многое объясняет.

- Что, к примеру?

Взяв посох в руки, островитянин поднялся.

- То, что ты пытался понять то, чего понять не сможешь. В варварских королевствах уже давно забыли истинный путь развития.

С этими словами, оставив Хаджара сидеть в недоумении, Эйнен вышел из кабака, на мгновение пуская внутрь прохладный вечерний ветер.